

XV

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СЪЕЗД
СЛАВИСТОВ

СЛАВЯНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

XV Международный
съезд славистов

Минск, 2013 г.

ДОКЛАДЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

МОСКВА «ИНДРИК» 2013

УДК 811.16

ББК 81.2

С 47

Редколлегия:

А. М. Молдован (отв. ред.),

С. М. Толстая (отв. ред.),

Ж. Ж. Варбот,

В. М. Живов,

А. А. Плотникова

Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Ответственные редакторы А. М. Молдован, С. М. Толстая. — М.: Индрик, 2013. — 672 с.

ISBN 978-5-91674-257-2

Сборник докладов российских языковедов, подготовленный к XV Международному съезду славистов в Минске, посвящен актуальным вопросам славистики, таким как славянская этимология, сравнительно-историческое изучение славянских языков, праславянский язык, межславянские языковые контакты, диалекты славянских языков, их возникновение, развитие и современное состояние; лингвогеография; грамматика; история церковнославянского языка; национальные языки и национальные культуры; социолингвистические и прагматические аспекты; история славянских литературных языков и др.

Для лингвистов широкого профиля, историков.

© Коллектив авторов, Текст, 2013

© Издательство «Индрик»,

Оформление, 2013

ISBN 978-5-91674-257-2

СОДЕРЖАНИЕ

I.

- Ж. Ж. Варбот.* Морфологическое переразложение в праславянском языке и реконструкция праславянского лексического фонда 9
- В. Л. Васильев.* Славянская колонизация Русского Северо-Запада в свете ономастики 17
- В. А. Дыбо.* Балто-славянская акцентная система и итоги индоевропейской акцентологической реконструкции 36
- Л. Л. Касаткин.* Русское и белорусское аканье: происхождение и история 67
- Л. В. Куркина.* К реконструкции структурно-семантических отношений в системе славянских терминов земледелия 87
- С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая.* Вокализм полесских говоров в праславянской перспективе 99
- С. М. Толстая.* Семантическая реконструкция и лексическая типология 141

II.

- Е. Л. Березович.* К семантической реконструкции метафоры родства в славянских языках 163
- М. М. Валенцова.* Словацкая мифологическая лексика на общеславянском фоне (этнолингвистический аспект) 186
- В. Б. Колосова.* Народная этимология и этимологическая магия в славянской народной ботанике 207
- А. А. Плотникова.* Полесье как архаическая зона Славии: этнолингвистический аспект 233
- И. А. Седакова.* О 'легкости' и 'тяжести/трудности' в языке и культуре славян: этнолингвистический анализ 254
- Е. С. Узенева.* ОКДА и современные полевые этнолингвистические исследования карпато-балканского региона 272

III.

- А. В. Бондарко.* Анализ элементов текста в системе функциональной грамматики 289

<i>М. Я. Дымарский.</i> От моделей предложения — к моделированию высказывания	308
<u><i>В. М. Живов.</i></u> Порядок слов при <i>verba dicendi</i> в восточнославянских памятниках письменности	331
<i>А. А. Зализняк, Е. В. Падучева.</i> Об инициальном отрицании в древнерусском и старославянском	364
<i>Е. Ю. Иванова.</i> Сентенциальные клитики в русском и южнославянских языках	382
<i>Е. Э. Пчелинцева.</i> Аспектуальность отглагольных имен действия в русском, украинском и польском языках	408
<i>Е. В. Рахилина, А. Б. Летучий.</i> Начальная стадия грамматикализации значений глагольной множественности в квазиграмматических конструкциях	432
<i>В. С. Храковский.</i> Грамматика и лексика: пограничная зона	452
IV.	
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом	467
<i>Т. И. Вендина.</i> Типология архаичных ареалов Славии	479
<i>М. Л. Каленчук.</i> Особенности произношения заимствованных слов в русском литературном языке начала XXI века	501
<i>М. М. Макарецв.</i> Инновации в глагольной системе славянского говора Бобоштицы (обл. Корчи, Албания)	512
<i>С. А. Мызников.</i> Лексика финно-угорского происхождения в восточнославянских атласах	535
<i>С. С. Скорвид.</i> Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоареального дрейфа	554
V.	
<i>А. Г. Кравецкий.</i> Церковнославянский язык как один из современных славянских языков	571
<i>Н. В. Николенкова.</i> Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Влаеу)	590
<i>Г. П. Нецименко.</i> Динамика речевого стандарта современной публичной коммуникации и его влияние на кодификационную практику	610
<i>О. А. Остапчук.</i> Украинский литературный язык в свете социолингвистической типологии славянских языков	633
<i>Г. П. Пилипенко.</i> Двужычное образование в полиэтничных славянских регионах (Воеводина и Прекмурье): социолингвистический аспект	656

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА

Системы флексий праславянского спряжения и склонения свидетельствуют о реальности действия морфологического переразложения в истории праславянского языка, во всяком случае — о наличии его результатов к концу праславянского периода. Длительность этого периода и существенность фонетических изменений, происходивших в течение его, позволяют предполагать возможность действия морфологического переразложения также в производных основах лексем. Речь может идти о переразложении на границах словообразовательных морфем с корнем: префикс — корень, корень — суффикс.

Случаи подобного переразложения широко отмечаются при этимологическом истолковании лексики отдельных славянских языков, но переразложение редко признается как основа образования лексем праславянского (даже позднепраславянского) периода: например, праслав. **kl'unь* 'клюв' от **kl'unqti* [Vaillant. Gramm. compar. IV: 582], **brudь* 'грязь' от **ob-ruditi* [Вайян, цит. по ЭССЯ 3: 45], **brědь* 'плоды' < **abrědь* [ЭССЯ 3: 16], **-tvoriti* 'за-, от-, при-крыть' < **otvoriti* [ЭССЯ 35: 111 — **ortvoriti* II]. Еще реже лексемы — результаты переразложения включаются непосредственно в словник праславянского словаря, если формы отдельных славянских языков представляют также рефлексы состояния, предшествовавшего переразложению: ср. **bačiti* 'заметить, увидеть' < **ob-ačiti* [SP I: 174–175] и **obačiti* [ЭССЯ 26: 91]; **bagniti* (*se*) 'окотиться (об овцах)' < **ob-agniti* (*se*) [SP I: 177] и **obagniti* (*se*) [ЭССЯ 26: 92–93], хотя в статьях **obačiti* и **obagniti* (*se*) отмечены результаты переразложения без хронологической приуроченности [ЭССЯ 26: 91, 92–93]; **obverzьka* [ЭССЯ 31: 11–12], хотя весь анализируемый материал — названия растений рус. *берёзка*, укр *берізка*, блр. *бяро́зка* — толкуется как результат переразложения.

Выделяются определенные словообразовательные модели, в которых чаще обнаруживается переразложение. Таковы производные от глагольных основ с суф. *-n-* и с префиксом *ob-*.

Приведенное выше толкование праслав. **kl'unь* 'клюв' от **kl'unoti* предполагает переосмысление суффиксального *-n-* в глаголе как элемента, завершающего корень, чему способствовало этимологическое вокалическое завершение его. Часто подобная фонетическая ситуация складывается в глаголах в результате упрощения групп согласных, образованных последним взрывным (зубным или губным) корня и суффиксальным *-n-* и преобразованных в направлении устранения взрывных. Следствием упрощения оказываются глагольные основы с псевдовакалическим завершением корня и потенциальным присоединением к корню суффиксального *-n-*. Так объяснены праслав. **хунити* 'обманывать' от **хубноти* 'качнуть, наклонить, ошибиться' [Matzenauer 1881: 8–9; Варбот 1984: 148], **огъниво* 'звено цепи, изгиб' от **обгъбноти* 'согнуть' [Berneker I: 366 — польск. *ognivo* 'звено цепи' включено в гнездо **гъбноти*; Варбот 1984: 144], а также **обтонь* 'глубокое (просевшее) место' от **обтопноти* 'утонуть, углубиться' [Варбот 1984: 147], **(съ)klenь* 'крышка, свод, соединение' от **(съ)klepnoti* 'опустить, закрыть, скрепить' [Варбот 1984: 153–154], **(въ)кун'ати се* 'роиться' от **(въ)кудноти* 'броситься' или **кунпоти* 'кишеть' [Варбот 1984: 155–156; ЭССЯ 13: 264] и нек. др. Такое толкование наиболее вероятно для праслав. **брьно* / **брьнь* 'болото, грязь' от **брьдноти*, к **брести*, **bredq* [см. сопоставление с польск. *brnąć* 'идти, брести (в грязи, воде)' в ЭССЯ 3: 70]. Праславянская древность всех приведенных производных обосновывается их фиксацией во многих или нескольких славянских языках различных групп. Особенно существенным свидетельством праславянской принадлежности структур с морфологическим переразложением является возможность в подобных словах древних форм аблаута: см. гипотезу о происхождении **grънь* (рус. *грънь* 'рысь') из гнезда **gręsti*, **grędq* [Petersson 1913: 381], то есть **grънь* от **grędnoti* с чередованием **e* / **o* [Варбот 1984: 147]. С другой стороны, нерегулярность конечной фонетической структуры корня (с последовательностью *-en-*) в производном **kręniti* (чеш. *křeniti se* 'хмуриться, гримасничать, хныкать', рус. диал. *крѣниться* 'плакать') от **kręnoti* 'сдвинуть, согнуть' [Варбот 1984: 149–150] свидетельствует о возможности переразложения в данном случае только после монофтонгизации дифтонгов.

Морфологическим переразложением в отглагольных производных с префиксом *ob-* объясняются приведенные выше **bačiti*, **bagniti* (*se*), а также **berzьka* (< **obverzьka*). Набор подобных преобразований на праславянском уровне пополнило исследование А. Ломы: **blizna* / **bluzna*

от **oblyznŋti* ‘ударить’, **bъrtь* от **obvъrtěti*, **buxavъ(j)ь* ‘вялый, затхлый’ от **ob-ŋxati*, **brodъ(ca)* ‘стыдные волосы’ от **ob-ŋděti* ‘обрати волосами’, которое от **ŋdъ* ‘косматый, кудрявый’, и нек. др. [Луома 2000: 606–607, 609, 620, 610]. С последним ср. иное отождествление корня для вост.-слав. **brudi* ‘волосы по бокам или на нижней части лица’ при рус. диал. *бруд* ‘край глиняного горшка, кринки’ [Селигер I: 70] — от **ob-ŋditi* к **ŋd-* [Варбот 1998: 41–43].

Присоединю сюда еще несколько случаев.

brętviti*: к этому глаголу возводятся словин. *bŋŋtv'ic sq* ‘кумиться, брататься’, кашуб. *bŋŋtv'ic* ‘воображать, мечтать’, польск. *brzętwić się* ‘роиться (о пчелах)’; толкование от звукоподражания см. [ЭССЯ 3: 24], но сопоставление с рус. диал. *бряцить* ‘жить, поживать, быть здоровым; быть в состоянии ходить, двигаться (о слабом человеке)’ позволяет предполагать результат переразложения префиксального **ob-ŋtviti*, производного (через промежуточное *ob-ŋtva*) от **ob-ręsti*, **ob-ŋtjo (se)* ‘встретить(ся), найти, появитьсяся’ [Варбот 2003: 125–126].

В двух случаях семантика славянских лексем позволяет, кажется, выделить из материалов, относимых традиционно к одному этимологическому этимону, некоторые образования, для которых возможно иное толкование, связанное с допущением морфологического переразложения в производном другого гнезда.

От лексем, отнесенных в этимологических словарях праславянского языка к **britь* с общей семантикой ‘острие, что-либо отрезанное’ [SP I: 382; ЭССЯ 3: 32], следует отделить рус. диал. *брум* ‘огузок, комель снопа’: это слово генетически сопоставимо с чеш. диал. *bŋitovı* ‘нижняя часть снопа’, которое убедительно объяснено Махеком как производное от **ritь* ‘огузок, бедро’ (в чешском также ‘нижняя часть снопа’) [Machek²: 533], так что есть основания для предположения о переразложении в первичном **obritь* (чеш. *obŋitek* ‘желтое или белое пятно на бедрах диких животных’ [Profous III: 247]), см. [Варбот 2000: 48; ЭССЯ 29: 91] и отнесения **britь* в этом значении к праславянскому состоянию, но как отличного от **britь* ‘острие’.

В составе лексем, относимых к **brukati* / **bruxati* ‘быстро, с силой бросать, извергать(ся)’ [SP I: 392; ЭССЯ 3: 46], семантика глаголов рус. диал. *брухать, брукать* ‘бросать, кидать, брыкать, лягаться, бодать, бить тычком’, *брухаться* ‘бодаться’ при сопоставлении с рус. диал. *брушить* ‘бодать, колоть, бить, бросать’ [СРНГ 3: 212; SP I: 392] позволяет предполагать хотя бы для части материала связь (через переразложение) с **obrušati*, **obrušiti*: ср. рус. диал. *обрушить* ‘повредить, поранить, забодать’ [ЭССЯ 29: 127].

В производных от глаголов с префиксом *ob-* благоприятные для переразложения условия появляются при корневом начальном *v-*. Фонетически закономерное исчезновение корневого *v-* вызывает далее отнесение к корню префиксального *b-* с последующим устранением префиксального *o-*: см. выше **berzъka* (< **obverzъka*), а также предположение А. Ломы о происхождении **bъrtь* от **obvъrtěti*. Следует, кажется, обратить внимание на случаи семантической близости лексем с начальными *b-* и *v-*. Так, для праслав. **bordavica* давно уже предполагалась связь с **verdъ*, природу которой можно видеть не только в контаминации двух слов [Machek²: 63; ЭССЯ 2: 199–200], но и в переразложении в структуре ***obordavica* < ***obvordavica* (ср. рус. *бередить*). Параллелизм форм славянских языков с вариантными начальными *b/v*, реконструируемый как **bъrlookъjъ* / **vъrlookъjъ* ‘косоглазый’ [SP I: 420; ЭССЯ 3: 170], может быть следом переразложения в структуре ***obvъrlookъjъ*, производной от **verti*, **vъrφ* ‘поворачивать, сгибать’.

Исходя из вероятности действия морфологического переразложения в праславянской истории лексем с начальным *b-* (как осколком префикса *ob-*) и корнями с этимологическим начальным *v-*, считаю возможным предложить версию происхождения праслав. **bolna*. Прежде всего, следует учесть существенность особенно для этой лексемы согласования предлагаемого толкования и круга предполагаемых продолжений в славянских языках. Дело в том, что соответствующий лексический материал иногда распределяется по двум омонимичным этимонам с различной семантикой: ‘тонкая ткань, оболочка в живых организмах, мембрана, перепонка, заболонь дерева’ и ‘открытое низменное травянистое пространство, пойма’, хотя при этом принимается генетическое тождество, то есть однородная омонимия, см. такое распределение и толкование в [SP I: 307–309 — **bolna* 1, **bolnъje*, **bolнь*, **bolna* 2; Аникин 4: 27–31 — *болона* I, *болона* II, *болонь*, *болонье*]. Принципиальное объединение всего материала под **bolna* см. в [ЭССЯ 2: 175–177]. И все авторы принимают толкование **bolna* по родству с праслав. **bělъ* и лит. *bálnas* ‘белый’ с мотивацией обозначения и заболони / пленки, и открытого травянистого пространства по цвету. В отношении последнего аргументом служит предполагаемая тождественная мотивация (по светлому цвету) слав. **bolto*.

Основанием для иного этимологического толкования **bolna* могут служить следующие характеристики материала. В русских говорах и в других славянских языках представлены префиксальные структуры — с начальным *o-*, однокоренные и семантически близкие с **bolna*: рус. диал. *оболонь* горьк. ‘гнилое место на бревне’,

нижегор. ‘низменный, пойменный луг’, калуж. ‘топкое, низменное место’ [СРНГ 22: 168], *оболонка* пск. ‘внутренний слой коры дерева, заболонь’ [СРНГ 22: 167], чеш. *oblana* ‘заболонь дерева между древесиной и корой’ [Kott II: 221], польск. *oblona* ‘заболонь под корой дерева’, диал. ‘нераспаханный луг’ [Warsz. III: 483], укр. *оболона* ‘кожа, оболочка’ [Гринченко III: 21], диал. *оболона* ‘луг, выемка в дереве’ [Лисенко. Сл. поліс. гов.: 140], ‘низина у реки’ [Черепанова 1983: 177], блр. *абалона* ‘пойма, заболонь’ [Блр.-рус.], диал. ‘затока реки; место на сенокосном лугу, которое заливается водой’ [Яшкін. Сл. геагр. тэрм.: 36]. В ЭССЯ эти структуры возводятся к **obboln-*, то есть толкуются как префиксальные производные от **bolna* [ЭССЯ 26: 113–114 — **obbolna*; 114 — **obbolnъka*, **obbolnъкъ*; 114–115 — **obbolnъ*], но нельзя ли предположить обратное направление словообразовательных связей, а именно — первичность структуры ***oboln-* с префиксом *ob-*, которая соответствует представлению о заболони как ‘о-кружающей, о-хватывающей (собственно древесину)’ части древесного ствола и при этом предполагает скорее отглагольное, чем отыменное образование? Ср. структуру и мотивацию укр. диал. *оболока* ‘заболонь’ [Никончук. Лекс. атл.: 82]. Менее очевидна вероятность мотивации по признаку окружения, охвата для обозначения низменного рельефа, но и здесь значения ‘пойма, пойменный луг’ (см. выше) хотя бы допускают ее. Другой повод для предложения нового этимологического толкования предоставляется собственно семантикой продолжений **bolna*: здесь наиболее существенным представляется семантический компонент сырости, связи с водой, присутствующий в значениях названий топких, низменных мест, пойменных лугов, поймы; влажность характеризует и заболонь дерева, ср. еще выше семантику гнили. Сочетание вероятной первичной структурной характеристики — префикса *ob-* и наличие семантической связи с водой позволяют предположить для **bolna* происхождение из ***obolna-* < ***obvolna* — производного от глагола гнезда **vьlati* / **valiti* ‘поворачивать(ся), катить(ся), течь, окружать, покрывать’. Ср. в отношении семантики производные от **vьlati* — **vьlna*, от ***obvьlati* — **obvьljь*. Непосредственной производящей основой для ***obvolna* мог быть глагол ***obvoliti*, производный от ***voliti*, который Вайян считал предшественником праслав. **valiti*, объясняя преобразование корневого вокализма ***voliti* > **valiti* необходимостью избежать омонимии с **voliti* ‘предпочитать, выбирать’ [Vaillant. Gramm. compar. III: 429].

Морфологическому переразложению способствует не только упрощение групп согласных на границе префикс–корень, но также и появление здесь вставных звуков. Характерное для славянских

языков осложнение группы *zr* вставным *d* на этой границе с последующим переразложением может объяснить происхождение праслав. **draziti*. Его источником представляется глагол **ordraziti* — префиксальное производное от **raziti*, ср. тождество семантики глаголов **ordraziti* и **orzraziti*: ст.-слав. **раздразити** καθαρρηγύνωαι ‘разбить, поразить’, польск. *rozdrazić* ‘разбить, поранить’ при диал. *rozrazić* ‘разбить, поранить, повредить’, др.-рус.-цслав. *раздразуми* ‘ударом разбить на части’ при *раз/роз-разуми* ‘ударом разбить, раздробить что-л.’; относительно развития семантики раздражения в **raziti* см. рус. диал. *разразить* арханг. ‘поранить, разрезать’ и ‘растревожить, растравить (рану)’, свердл. ‘вывести из себя, раздражить кого-л.’, карел. ‘привести в раздраженное состояние’, укр. *розразити* ‘раздражить, растравить’, блр. диал. *разразиць* ‘растревожить, растравить’, подробнее см. [Варбот 2010: 40–42]. Семантическая связь **draziti* с **raziti* обнаруживается даже в производном третьей ступени — рус. диал. арханг. *раздразнить* ‘поранить какую-л. часть тела’ (**draziti* — **drazнь* — **drazniti* — **ordrazniti*) [СРНГ 33: 331].

При вероятной спорности некоторых из упомянутых, известных и предложенных выше случаев морфологического переразложения в праславянской лексике трудно, однако, отрицать реальность этого процесса на праславянском уровне, особенно его результаты в позднепраславянском языке. Поскольку, как было показано выше, переразложение непосредственно связано с результатами упрощения и преобразования групп согласных на границах словообразовательных морфем, встает вопрос о степени методической строгости реконструкций праславянских лексем позднепраславянского периода с сохранением в них групп согласных, предшествовавших преобразованиям, а именно — *dn*, *tn*, *bn*, *pn* в глаголах с суф. *-nq* и *bv* в производных с префиксом *ob-* (хотя очевидно, что это лишь часть преобразовавшихся сочетаний). Следует отметить, что в ряде случаев реконструкций лексем с перечисленными сочетаниями соответствующий лексический материал славянских языков содержит лишь результаты преобразований: таковы, например, характеристики материала, соответствующего **gьrtnqti* [ЭССЯ 7: 214–215], **krętnqti* [ЭССЯ 12: 147–148], **obvada* I **‘клевета, вина’* [ЭССЯ 30: 254], **obverzslō* [ЭССЯ 31: 11], **obvolko* [ЭССЯ 31: 85]. Иногда наличие преобразования отмечается в заглавном слове: см. **gь(b)tati* (к **gьbnqti*) [ЭССЯ 7: 189]. В большинстве случаев в славянских лексемах присутствуют, наряду с преобразованиями, неизменные сочетания, но это объясняется процессами вторичного восстановления по аналогии с родственными словами или воспроизведением словообразовательных моделей, см. об этом [Трубачев 1963: 17–18]. Есть опыт

расположения преобразованной формы рядом с непреобразованной (но в скобках!) — **gьbnŋti* (**gьnŋti*) [SP 8: 320], **gybnŋti* (**gynŋti*) [SP 8: 333]. Очевидно, что отмеченное противоречие реконструкций с неизменными сочетаниями согласных и ориентации реконструкций на позднепраславянский период является уступкой принципу фономорфологической реконструкции, о котором см. [Трубачев 1963: 13], но соответствующая специфика реконструируемого словника праславянского языка должна учитываться в исследованиях по истории славянского словообразования.

Литература

- Аникин — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–5. М., 2007–2011.
- Блр.-рус. — Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.
- Варбот 1984 — Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.
- Варбот 1998 — Варбот Ж. Ж. К этимологии восточнославянского **brudi* // Число. Язык. Текст. Сборник статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. Минск, 1998. С. 41–43.
- Варбот 2000 — Варбот Ж. Ж. Индоевропейские и праславянские архаизмы в славянских нерегулярных преобразованиях // *Studia etymologica Brunensia* 1. Praha, 2000. S. 44–50.
- Варбот 2003 — Варбот Ж. Ж. Кашубские этимологии в свете русских диалектизмов (кашуб. *ńeobodni, břŋtv'ic sq*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. М., 2003. С. 123–126.
- Варбот 2010 — Варбот Ж. Ж. Нерегулярные изменения в славянских языках и славянская этимология // *Этимология*. 2006–2008. М., 2010. С. 37–51.
- Гринченко — Гринченко Б. Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.
- Лисенко. Сл. поліс. гов. — Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Київ, 1974.
- Лома 2000 — Лома А. Перинтеграција об- > б- као етимолошки проблем // *Јужнословенски филолог*. LVI / 1–2. Београд, 2000. С. 601–623.
- Никончук. Лекс. атл. — Никончук М. В. Материали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979.
- Селигер — Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–3. СПб., 2003–2007.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–44–). СПб., 1966–2011–.

- Трубачев 1963 — Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи / Сост. О. Н. Трубачев. М., 1963.
- Черепанова 1983 — *Черепанова Е. А.* Географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья (опыт семантической классификации) // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.
- Яшкін. Сл. геагр. тэрм. — *Яшкін І. Я.* Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў. Мінск, 2005.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–38–). М., 1974–2012–.
- Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913.
- Kott — *Kott F. Št.* Česko-německý slovník. D. I–VII. Praha, 1878–1893.
- Matzenauer 1881 — *Matzenauer A.* Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // LF 1881. Roč. 8.
- Petersson 1913 — *Petersson H.* Slavische Etymologien // AfslPh 1913, B. 34.
- Profous — *Profous A.* Místní jména v Čechách. D. I–V. Praha, 1947–1960.
- SP — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII–. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1974–2001.
- Vaillant. Gramm. compar. — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Paris, 1966; T. IV. Paris, 1974.
- Warsz. — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. I–VIII. Warszawa etc., 1952–1953 (= 1904–1927).

СЛАВЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ РУССКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА В СВЕТЕ ОНОМАСТИКИ

К региону Русского Северо-Запада (далее — РСЗ) в настоящей статье отнесена территория средневековых владений Новгорода (область новгородских пятин, или Новгородская земля, занимающая преимущественную часть региона РСЗ) и Пскова (Псковская земля, в древнерусское время обособившаяся из Новгородской). Данный регион относится к областям позднепраславянского расселения. Первые славяне появились в бассейнах озёр Ильмень и Чудско-Псковского не позднее VII–VIII вв. Об их появлении сигнализирует главным образом культура новгородских сопок — высоких крутобоких погребальных насыпей с несколько уплощенной вершиной, которая по анализу вещевого инвентаря датируется VIII–X вв. Относительно славянской принадлежности этой культуры сомнения у археологов практически отсутствуют. Но славяне, очевидно, проникли сюда и несколько раньше судя хотя бы потому, что культура сопок, для того чтобы оформиться в ее окончательном виде, должна была пройти определенный этап становления (археологи иногда используют термин «досопочные славяне»). Кроме того, на РСЗ располагается ареал культуры псковско-новгородских длинных курганов (валообразных погребальных насыпей длиной свыше 10 м, при обычной ширине 5–6 м и высоте 0,5–1,5 м), датируемой VI–IX вв. В этих курганах тоже обнаруживают славянские элементы, но наряду с прибалто-финскими и балтийскими. Часть археологов видят создателями данной культуры тоже славян.

Остаются остро дискуссионными вопросы о том, какое происхождение имел древненовгородский (новгородско-псковский) диалект, и о том, какими путями пришли в бассейны озёр Ильмень и Чудско-Псковского ранние славяне. По поводу решения этих тесно взаимосвязанных вопросов традиционно конкурируют две точки зрения. Первая гипотеза — «западнославянская», разделяемая многими

историками и языковедами начиная с 1-й половины XIX в., — подчеркивает западнославянский генезис ранних славян — заселителей земель будущих Новгорода и Пскова и, следовательно, носителей первых диалектов РСЗ. Этой гипотезе отдали дань разные поколения крупных историков, археологов, языковедов, этнографов. Так, языковед А. А. Шахматов писал о том, что севернорусам, двигавшимся от Среднего Поднепровья, пришлось столкнуться в верховьях Западной Двины, Волги и Днепра с ляхскими (польскими) племенами, их оттеснить и ассимилировать, но от ляхов были унаследованы цоканье, *кл*, *зл* (< **tl*, **dl*), смешение *с* и *ш* и другие черты, отмечаемые в новгородско-псковских землях [Шахматов 1899: 382]. Этнограф Д. К. Зеленин обосновывал мнение о миграции балтийских славян морским и сухопутным путем в Поволховье и Приильменье, к ильменским словенам, которые ассимилировали пришельцев, приняв от них ряд языковых черт [Зеленин 1954: 49–95]. Особенно часто писал о проблеме появления ранних славян на РСЗ археолог В. В. Седов, который отождествляет северную (псковскую) ветвь летописных кривичей с создателями культуры псковских длинных курганов, а летописных словен ильменских — с носителями культуры сопок. Он отстаивает идею, что и кривичи (очень рано, еще в V в.), и словене ильменские (немного позднее) пришли в бассейны озёр Чудско-Псковского и Ильмень с запада — из Польши, со среднего течения Вислы, для чего им пришлось напрямую пересечь земли балтов [Седов 1994: 127–137; 1999: 117–128, 158–165]. В. Л. Янин тоже полностью солидаризируется с тем, что «искать исходный пункт движения славян, получивших имена „кривичей“ и „новгородских словен“, на землях будущих Пскова и Новгорода следует в областях, прилегающих с юга к Балтике» [Янин 2004: 79].

Современный, лингвистически продвинутый вариант данной гипотезы был предложен А. А. Зализняком. Изучение лингвистических особенностей новгородских берестяных грамот привело исследователя к пониманию того, что ранние славянские говоры в центре Новгородской земли были разными по своему происхождению. На долготе примерно от Пскова до Новгорода превалировал более архаический диалект псковских, или северных, кривичей, который находился в ближайшем родстве с западнославянскими, конкретнее с севернолехитскими и лужицкими, диалектами. К востоку и северо-востоку от Новгорода распространялись говоры общевосточнославянского типа, принадлежавшие ильменским словенам. Со временем происходила консолидация этих двух идиомов уже в рамках единого древненовгородского государства; см. [Зализняк 1993: 232; 2004: 6–7].

Вторая гипотеза раннеславянского этногенеза на РСЗ — «среднеднепровская», или «южная» — трактует первых славян в окрестностях оз. Ильмень и Чудско-Псковского как пришельцев из области Киева и Среднего Поднепровья. При таком понимании подчеркивается общевосточнославянский генезис славянских переселенцев в будущие Новгородскую и Псковскую земли, а диалекты известных по Начальной летописи племен кривичей и словен ильменских считаются восточнославянскими. Пути прихода славян на север — по Днепру и его притокам, далее на Ловать и в бассейн р. Великой. Приверженцев «южной» гипотезы было меньше, чем «западников», и им приходилось не раз полемически заостренно отстаивать изначальное единство восточных славян. Ф. П. Филин, например, пишет, что «фантастическая гипотеза о появлении славян на территории Восточной Европы из прибалтийских земель» по-прежнему продолжает соблазнять историков [Филин 1972: 124]. Идея изначальной гетерогенности восточнославянской зоны встретила серьезную критику со стороны исследователей, отстаивающих традиционный тезис о гомогенности происхождения восточнославянских языков¹. О. Н. Трубачев обращает внимание на то, что особо заметные «западнославянские» черты в древненовгородских говорах (неосуществление второй палатализации задненебных, неупрощение праславянских **tl, *dl*) — всего лишь праславянские архаизмы, пережитки, а не совместные инновации, поэтому данные явления не могут считаться показательными для констатации особенного западнославяно-новгородского родства. Однако такие черты свидетельствуют о периферийности говоров данного региона: по словам Трубачева, «здесь перед нами как бы периферия периферии, то есть сугубая периферия». Заселение Новгородской земли могло быть только в одном направлении — с днепровского юга на север [Трубачев 1997: 69; 2002а: 22–23; 2002б: 275–278]. Исчерпывающую диахроническую классификацию основных черт древненовгородского диалекта, главным образом фонетико-морфологических, дает В. Б. Крысько, доказывая, что древненовгородский — это наиболее периферийный, архаичный и вместе с тем инновативный восточнославянский диалект, восходящий к племенному диалекту ильменских словен, распространенный на всей территории Новгородской земли, а не только в ее западной части [Крысько 1998: 74–93].

¹ В статье [Крысько 1998] изложены довольно подробные сведения о многих участниках и перипетиях многолетней дискуссии, посвященной проблематике происхождения, межславянских связей и языкового своеобразия древних говоров Новгородской земли.

Научное издание

Славянское языкознание.
XV Международный съезд славистов.
Минск, 21–27 августа 2013 г.
Доклады российской делегации

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *С. Д. Боярская*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: market@indrik.ru

or by tel./fax: +7 495 954-1752

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) —
95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60×90¹/16. Печать офсетная.
42,0 п. л. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета